

Мысль в начале: Бибихин

Неретина С. С.,
доктор философских наук, Институт философии РАН, Москва,
главный научный сотрудник, профессор, главный редактор журнала Vox,
abaelardus@mail.com

Аннотация: Статья представляет собой изложение доклада, прочитанного на Вторых Бибихинских чтениях 10–12 декабря 2020 г. Идея начала мысли — основная. Сделана попытка осмыслить момент, когда нечто начинается, что трудно ухватить, ибо высказанная мысль — это мысль, уже показавшая себя. Августин, говоря о времени, сравнивал его с растяжением души, прежде всего с мыслью о смерти, ибо именно время вводило ее в жизнь. Такую мысль хотелось ухватить в речи, в жесте речи через то, что говорится, и через произнесение того, что говорится, когда, собственно, и происходит искажение мысли, которая делает попытку выровняться через бесконечные поправки и прояснения. При произнесении/написании происходит переход от времени 0 в его начало. Владимир Вениаминович [Бибихин] обратил внимание на эту неясность мысли, поскольку начало должно произойти в стихии свободного мышления: «Решающее происходит в первом невидимом непространственном движении ума». Бибихин назвал это желанием «контакта с редким».

Ключевые слова: мысль, начало, чувство, неясность, тайна, связь, наблюдатель, речь, отношение, сосредоточенность.

Я хочу сказать о том, что мысль как таковая, точнее — начало этой, вот этой моей мысли неуловимо. Не только Бибихина. Оно, начало, уходит, оставляя шлейф, оставляя тот откристаллизованный итог мысли, который мы и принимаем за мысль. То же с Кантом, Гегелем, Платоном. Это начало есть — и его тут же и нет. Это связано с неуловимым моментом времени. Не случайно Августин, говоря о времени, постоянно сравнивал его с растяжением — конечно, души, — но прежде всего с **мыслью**, больше того, с мыслью о смерти, ибо именно время вводило ее в жизнь. Такую мысль хотелось ухватить в речи, в жесте речи *ex loquendo*, через то, что говорится, и через произнесение — *ex dicendo* — того, что говорится, когда, собственно, и происходит искажение мысли. Думал одно, произнеслось другое. И начинаются бесконечные «то есть», поправки, прояснения. Вот здесь при произнесении/написании и происходит **улет** начала, схватывается мысль на **излете**, в ее последнем мельке. «Все уходит», — говорит и Бибихин. И именно Владимир Вениаминович обратил внимание на этот улет, на эту неясность мысли.

Немного методологии.

В работе «Бибихин, Хайдеггер, Палама в проблеме энергии» Сергей Сергеевич Хоружий, по его словам, выполняет «странную» миссию.

Он пишет в постскрипуме: «За своей стандартной стилистикой, вопреки ей, этот... не академический текст, скорее род “духовного упражнения”, совмещения несовместимых заданий».

Я — друг его, которому выпало прожить сколько-то после него, и мне всегда ощущалось, что мы должны жить за наших ушедших, их представлять на земле, дабы через нас, в нас продолжилось бы их присутствие. “Теперь он сам уж не может, должен я за него” — за него *быть здесь*.

Но я еще и философ, всегда бывший не только его собеседником, но и оппонентом, и в этом тексте именно философом я обязан быть.

Странно все это.

Не знаю, что получилось»¹.

Получился энергичнейший текст под стать теме статьи. Отдавая должное «уникальному опыту философии радикального экологизма», как определяет смысл философии Биbihина Хоружий, он характеризует его позицию еще через одно слово «ультра», предельность мысли — у Аристотеля за его утверждение «несоизмеримого превосходства энергии покоя», за «предельное умаление роли “второй энергии”», у Григория Паламы, у Хайдеггера, когда «настаивал, что в философии имеет свое место, свои права не только рассуждение, но и **чувство**; когда в случае полноты вместо ее дефиниции, ее логических критериев он отсылал именно к **чувству**»². Хоружий видит в таком признании чувства бытия «пафос философствования Владимира Вениаминовича», «не столько философский тезис», сколько именно «философское чувство», которое тот «вкладывал и в свой перевод Dasein... Биbihинское чувство бытия — это чувство: *Бытие — вот! Вот оно!*»³.

Я думаю, что Сергей Сергеевич точно заметил и про экологизм, и про «ультра», и про чувство бытия.

И все же в статье Хоружего для меня самые важные слова: «Не знаю, что получилось...» Ибо в его последующих рассуждениях произошел поворот к чисто научным объяснениям неких конкретно выраженных — словами — мыслей Аристотеля или Паламы.

Биbihин сейчас известен в европейском мире. Там и здесь есть не только исследователи его творчества: на немецкий язык переведены две его книги «Другое начало» и «Лес». Проводятся симпозиумы и конференции его памяти. **И я даже не могу выразить к этому отношения:** он так *молча* рассуждал, был в своей мысли столь интимен, что кажется иногда нелепым громко говорить о нем или информативно посвящать читателей в его мысль об Аристотеле или Паламе. Хотя, разумеется, такая ситуативность, требование вникания в конкретную, вот эту сейчас происходящую со мной

¹ Хоружий С. С. Биbihин, Хайдеггер и Палама в проблеме энергий. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwjF2vmDtZbvAhUCx4sKHWyLAZEQFjAAegQIAhAD&url=https%3A%2F%2Fsynergia-isa.ru%2Fwp-content%2Fuploads%2F2015%2F11%2Fhor_bibikh_energ2013.pdf&usg=AOvVaw17uDnBu3dcn4-zY9v46qpw

² Там же. Выделено мной.

³ Там же.

историю и есть своего рода методологический прием Бибихина. Сосредоточенность его ума поражала и заставляла думать даже не о том, о чем он говорил, а о том, как это приходит ему в голову. Я ни от одного из философов такого не слышала. Сначала записывала в блокнот впечатления от слушания, потом стали разговаривать. Тяжелые ладони во время лекции или семинара поворачивались справа налево, и думалось, что хорошо бы не попасть под такую ладонь — так она была тяжела, а ведь известно, что рука — продолжение головы.

Я думаю: к нему можно применить сказанное им о Льве Толстом: **«Он стоит отдельно от литераторов, и от мыслителей тоже»**. И его определение человека: **«Человек есть сила — действующая — больше ничего»** — к нему относится непосредственно.

Оно и относится потому, что самое начало мысли ускользает. И у Сергея Сергеевича речь идет не о мысли, которая становится моей через мой личный опыт, а выраженной на пергаменте или бумаге и ушедшей от меня, с чем я обязан считаться, но могу что-то и упустить.

Мы часто замечаем, как в процессе речи вдруг понимаем нечто и начинаем о нем разговор, чтобы это не ускользнуло, но зато могло ускользнуть то другое, о чем изначально шла речь. Это вообще-то, повторю, касается любой мысли, не только Бибихина. Если бы было ухвачено начало мысли, нам бы явился сам смысл, мы бы уже открыли смысл не только речи — самой изначальной мысли, но — он остается тайной, в том числе и для самого мыслителя. Все остальное строится уже после ухваченной мысли, т. е. остается за пределами анализа.

«Начало... должно быть сделано в стихии свободно для себя сущего мышления, в чистом знании»⁴. Потому мы и испытываем трудности в понимании Платона, Катона, Канта, Бибихина, давая свои интерпретации да еще исходя не из текста, а **по поводу** текста. Это понимал Бибахин, когда пытался продолжить мысль, скажем Витгенштейна. И особенно когда писал о «Дневниках Льва Толстого»: **«Решающее происходит в первом невидимом непространственном движении ума»**⁵. Возможно, это близко к тому, что Бибахин назвал желанием «контакта с редким».

Но возможно и то, что он назвал, вслед за Толстым, «необеспеченной мыслью».

«Все перебито неспособностью быть в разных местах, делать одновременно и быстро разные вещи. Отсюда неуверенность, что ты сейчас делаешь то, что нужно. Поэтому, странно сказать, мера твоей неуверенности — она же мера участия во всеобщем. Если не бояться знать, видеть»⁶.

Вот, например, его рассуждения о лице и толпе. Он ссылается на Гераклита, который ставит проблему соотношения массы и индивида в связи с действием логоса,

⁴ Гегель. Наука логики. — М.: Мысль, 1970. — С. 125.

⁵ Бибахин В. В. Дневники Льва Толстого. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKewjy97JwJbvAhWkk4sKHbu3CXcQFjAAegQIARAD&url=https%3A%2F%2Fwww.rulit.me%2Fbooks%2Fdnevniki-lva-tolstogo-read-345731-1.html&usq=AOvVaw0jjKFiTcBkLgGEwEMroNHу>

⁶ Там же.

который «правит всем и каждым. Толпа, стало быть, собственного разума не имеет»⁷. Само по себе это выражение странно: толпа — такая же вещь, как книга на моем столе или очки, не имеющие разума. Можно ведь сказать: «Стопились тесно липы, сосны, клены» (Ю. Верховский). Но она может двигаться, нести, выражать мнение... Мы же говорим: мнение толпы. Но вот оказывается, что, собственного разума не имея, «толпа “живет” так, словно разум принадлежит каждому человеку отдельно». Значит, не просто вещь, подобная очкам. «Значит, не нужно проделывать никакого особого пути к всеобщему. Оно и так с нами. Уйти от него мы не можем». Получается, что у толпы все-таки есть мнение: она живет, как один, как каждый. Смысл меняется.

Я иду за текстом Биbihина, за какой-то одной его фразой, разразившейся затем многими. И заблуждение толпы оказывается не в стандартизации и обыденности, а именно в том, что **человек сам себя способен**, не желая того, **сделать толпообразным**, массовидным. «Заблуждение толпы не в том, что она в каждом ее составляющем развивает отдельное мышление — такое развить у себя отдельный человек не имеет средств, — а [заблуждение] в мнимом огораживании, в воображении каждого, будто логос прежде всего, в своем источнике принадлежит ему». Так в чем истина толпы? Ведь если есть заблуждение, то есть и истина? Или в другом месте: «Как раз обособление делает нас пылинкой толпы». Что же тогда личность (лицо — любил говорить Владимир Вениаминович), индивид? «Чтобы не походить на толпу, не быть в общей массе, надо следовать всеобщему разуму и смыслу, не пытаясь отгородиться в отдельную самость». Это ведет не столько к индивидуальному, сколько к персональному, через себя, к своей свободе-собственности.

Но здесь что ни слово, то нечто такое, что заставляет впасть в ступор. Можно не успеть за мыслью, и она вновь увязнет в неясности или смутности. Например, «не будь толпой, не обособляйся». «Следовать общему, сделать так, чтобы на тебе именно потому и благодаря тому, что ты не огородился в частное, толпа прервалась, перестала быть толпой».

«Прервалась толпа» — какое прекрасное выражение! Но какая мысль здесь-там толкается? Как, не огородившись, не обособившись, перестать быть толпой? Здесь нет необходимости, со стороны, что-то объяснять. Это сделает сам читающий. Я говорю лишь о том, как выговаривается отдуманная мысль, «спрятанная» начало, которое отлично от привычного. С нею постоянно надо быть начеку. В этом — Биbihин: поставить вопрос так, чтобы ты не взирал на него с восхищением, не воспринял сказанное за истину (ибо «философское <<надо>> парадоксально, а мир открыт в свободу»), но, ошеломленный, пошел искать ее заново, задумавшись, т. е. молча.

Потому — догадничество. Потому — возврат. И ссылка на авторитет: на Аверинцева, говорившего, что «русские не то что сообразительны, но догадливы».

Вот что, на мой взгляд, часто означает молчание читающих его, а не боязнь или профессиональную зависть академического сообщества. Возникает «хорошая изоляция

⁷ Биbihин В. В. Язык философии. — М.: Наука, 1993. URL:

https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwiQia3NxZbvAhVrpIsKHfU9AkYQFjAEegQIChAD&url=https%3A%2F%2Fwww.litmir.me%2Fbr%2F%3Fb%3D150781%26p%3D1&usq=AOvVaw3_0ktb-QJPVP0214eP1pD Все дальнейшие цитаты отсюда.

между тем, что в тебе бродит, и твоей речью. Ты говори, говори, — говорит он, — но не “выражай”: говори там, в “плоскости выражения”, поскольку ты говорящее существо. Это будет интересно, присмотреться к тому, как сам говоришь, это заденет, но *пусть не мешает думать*. Храни отдельность себя от себя самого». Не мешает думать — это сказано почти как у Канта в одном примечании к «Спору факультетов». Наша речь часто скрывает наше молчание.

Можно перефразировать Бибикина: «Мы вглядываемся в себя, в свою мысль как в весть, к нам сейчас обращенную и содержащую в себе ту тайну, участие в которой нам сейчас... нужно для нашего спасения». Участие, причастие — старая, из недр христианства идущая мысль, — это попытка понимания, а не объяснения и толкования. Понимание порождает индивидуальность и образует опыт вот этого индивида, меня.

Я помню диалог, возникший между Бибикиным и Огурцовым.

Александр Павлович: «Владимир Вениаминович, Ваш комментарий к такому-то фрагменту «Логико-философского трактата» Витгенштейна позволяет думать...»

Владимир Вениаминович: «Александр Павлович, если Вы считаете, что написанное о трактате — комментарий, я обижусь. Это сам Витгенштейн».

Тогда я: «Владимир Вениаминович, если то, что Вы говорите, это слова Витгенштейна, почему Вы подписываете книгу «Бибикин»?»

Он подумал. Затем: «Сказал Витгенштейн, но ответственность я беру на себя».

Когда Бибикин пишет о «Дневниках Льва Толстого», он переживает опыт себя, например, известности. Что это такое? Был человек, очень скромный. Когда распустили сектор, где он работал, и начали сотрудников размещать по другим отсекам, одна из ученых дам — заведующих этими департаментами сказала, что она-де не знает, кто такой Бибикин. Огурцов аж подскочил. Всем все напомнил и сказал, что если тот не будет возражать, он пригласит его к нам. Так Владимир Вениаминович оказался в нашем секторе методологии и этики науки. Сейчас это сектор философских проблем социального и гуманитарного знания, где не помнят уже ни Бибикина, ни Огурцова.

Но — вернемся — сама тема известности его очень интересовала. Это отчетливо видно в книге «Дневники Льва Толстого». А я посмотрела свой дневник. 20 апреля 2002 г. (проставленная Бибикиным дата в «Дневнике Льва Толстого — 2000 год, где-то рядом): «Он сказал: знаете, я стал популярен и даже моден. Не знаю, как себя держать. Я: как всегда. И вспомнила, как мне бесконечно звонили какие-то люди после выхода “Верующего разума”. Но и польза от этого какая-то была. Я как-то пришла в Библиотеку иностранной литературы. Хотела отксерить Августина “О христианском учении” из Ж. П. Миня, который стоял в Отделе, руководимом о. Георгием Чистяковым. Служительница куда-то убежала, сказав предварительно, как читают и выписывают мои книги. Прибежала другая, спросила, сколько мне надо отксерить страниц, потому что Миня они стараются не трогать. Я ответила. Она: это будет стоить — поскольку речь о Мине — столько-то. Я стала откланиваться: простите, у меня сейчас нет таких денег. А такие есть? (Она назвала цену обычных книг.) Я: да. И мне сделали. Такова цена популярности, улыбнулась я. Он тоже улыбнулся». Но уже были написаны «Дневники»! Мое внешнее там почти и не надобилось — так, облако...

Он обращает внимание на себя. Пишет: «Лучше будет поэтому, если я сам поскорее обращу внимание на себя, на свое тело, и прежде всего на свою мысль, от

которой я бегу, когда занимаюсь “теоретизированием” о “проблемах”: чем плотнее я ими занимаюсь в академическом предприятии, тем больше затаптываю свою мысль, которая едва уже смеет поднять голову»⁸.

Но — хотя он говорит «мысль», реально ищет ответ на вопрос о том, что такое начало в жизни. Начало как саму жизнь жизни, т. е. — связь. И понятно, что сам термин «связь» тут задает загадки, которые необходимо и можно разгадать. Мы ищем начало мысли, а она — мысль — началом имеет связь как жизнь жизни. Изменена траектория поиска.

«Обнаруживая в своем начале связь, — он пишет, — ту же, которая ведет наблюдателя, жизнь дарит подарок, и проясняя себя, и освобождая нас от необходимости прибавлять связь извне. Ведь почему-то не связывать мы не можем. Хотя бы потому, что без нитки не на что нанизывать грибы, эмпирия рассыпается. Что, сначала грибы, а потом нитка? Нет, собирание грибов уже шло в видах их сцепления, нитка или ветка поэтому были раньше собирания, у белки и у человека одинаково. Дайте связь как первичную — иначе нанизывать эмпирию на что?» И на что мысль?

И вот теперь. На верхнем этаже всех связей — связь этих связей, «живая связь человеческой души», «связь в живом сознании». «Душевная жизнь есть связь», цитирует он В. Дильтея, языком которого, как он считает, говорит европейская тысячелетняя традиция... Иначе — ему кажется — «говорила бы философия майя, и у нас русских связь привыкли искать не в душе, а в теле и земле»⁹.

Принадлежащее Дильтею определение «душевная жизнь есть связь» Владимир Вениаминович считает укорененным в европейских традициях личным поступком Вильгельма Дильтея, исходящим из связности жизни. Этот поступок и нравственное требование происходят от уверенности, что нет связи без участия всего существа — вот этого, волящего, говорящего, надвигающегося: без **инициатора**, т. е. без человека.

Связь в традиции философии — это прежде всего любовь (Биbihин часто ссылается на Николая Кузанского, но эту традицию можно сильно отодвинуть в древность). Она и есть жизнь жизни. Не мысли. Мысль... Биbihин обращает внимание на ее «нерешительность», растерянность, неопределенность, рыскание, брожение, нерешенность, нерешаемость. «Правильно было бы усилием воли вернуться, принять решение. Неопределенность неудобна, и прежде всего именно невозможностью сказать, хорошо или плохо то, что мы делали до сих пор и что мы запланируем делать»¹⁰. Вопрос, сопровождающий его мысль, о чем я выше и говорила, когда сознавалась, что не знаю, как относиться к им сказанному: это принять? И тогда с этим спорить... Или это сказано, как некое предположение? О том же приоритете живого чувства...

Жизнь названа мыслью, чувством и делом не в смысле суммы, а так, что чувство и есть мысль, и дело — это осмысленное чувство. Sensus — мы знаем это из латыни — и смысл, и чувство — Николай Кузанский обращает на это внимание: он, sensus, смыкает их как начало с концом.

⁸ Биbihин В. В. Дневники Льва Толстого.

⁹ Биbihин В. В. Дневники Льва Толстого.

¹⁰ Там же.

В следующей записи чувство будет поставлено раньше мысли и дела. Ибо, как я думаю, чувство (вспоминается недоуменное восстание Сергея Сергеевича Хоружего) или идея первичности чувства не впервые возникла. На это обращал внимание еще Августин в «Предопределении святых», когда писал о внутреннем чувстве, которое он определял как жизнь. И это внутреннее чувство не равно органам чувств: чувство-жизнь (принадлежащее всем) только воспринимает их данные (а они принадлежат каждому отдельно — на этом и основаны универсалистские и сингулярные тенденции средних веков). Высшая же сила (Бог) попустительствует обращению веры в мысль и мысли в веру, так как верить — не что иное, как мыслить с *сочувствием*, cum assensione.

Здесь чувство и есть дело, драма чувства названа работой.

В записи Толстого драма чувства проходит глубже рассуждения, она гнет и перекраивает мысль, как хочет, т. е. проходит глубже сознания. Это значит, что есть огромное различие между общим чувством, которое есть жизнь, и органами чувств, которые имеет в виду Сергей Сергеевич. И это слово (чувство) является основанием для рассуждения, как то первое, чего коснулась неявленная, только — благодаря чувству — объявившаяся мысль. Это значит: она объявилась не в метрике, а без ориентиров в цветной, чувственной, страстной, богатой топике. Мысль-рассуждение «подделывается под чувство» в обоих смыслах, подстраивается и подчиняется. Другая настоящая, не профессорская мысль равна чувству и занята делом, работой, *которая* — как допускает, как размышляет Владимир Вениаминович — *и есть сама же история этого чувства. Чувство чувствуется.*

Думать о том, что есть субстрат, от которого идет воздействие, и этот субстрат — вещь в себе, вовсе не «облегчает вашу работу, драму чувства». Он обволакивает это рассуждение в вопросительную форму: «Удвоение предмета облегчит вашу работу, драму чувства?»¹¹ Вопрос свидетельствует: вот она, работа. И она не окончена.

В поисках и окончания, и ясности надо было тщательно следить за «спасителями», к каким относил Толстого и Витгенштейна.

Я записала 30 марта 2003 г.: «На семинаре В. спросили, религиозен ли Витгенштейн. Он сказал, что да, и что многие считают его религиозным философом. Я читала то, что он же писал об этой его религиозности, мне показалось, что писали с иронией, вот, мол, новый теолог выискался. После семинара я спросила В., могу ли я задать ему вопрос. Он: “Опять с подвохом?” Я: почему он считает Витгенштейна религиозным философом. В. сел и сказал: “Зачем Вы спрашиваете, ведь Вы же знаете ответ”. Я: “Я только предполагаю. Когда я его читала, я видела, что он очень внимателен к религии, ибо многие вещи понимаются так же, как там (христианская религия). Чрезвычайно внимателен. Я бы даже сказала, если бы можно было так сказать, что он светски религиозен: говорит так, но верить не может”. Он: “Я вам скажу, но с условием, что вы никому не скажете... Я думаю, я вычитал из дневников, что он хотел стать основателем новой религии. На христианских основаниях, конечно. Он считал себя новым спасителем”. Это прозвучало очень странно. Настолько странно, что я даже одернула себя и не стала спрашивать, в чем — спасение».

¹¹ Биbihин В.В. Дневники Льва Толстого.

А «1 июня говорил о Соссюре, о его близости к Витгенштейну, о том, что он даже думал, что Людвиг посещал его лекции. Особенно это касается того, что звук — это всегда уже и идея, это звукообраз, не просто звучание. Это надо обдумать, но у меня нет французского Соссюра, а русский перевод, как он сказал, неадекватен».

У меня сохранились две мои записи, я хотела бы их озвучить: они о Хоружем и А. П. Огурцове. Запись от 6 мая 2004-го и 5 октября. В первой речь о том, как плохо устраивается квартира А. Ф. Лосева. Но «Азе Алибековне, — сказал он, — понравилась идея Александра Павловича провести семинар, посвященный Лосеву». («Вы знаете?» Я кивнула: «Да».) «Она сказала, что там грабят библиотеку. Проводить семинар — идея ей нравится, но потом, когда найдет кого-то другого, взамен грабителя. Она считает, что сейчас преждевременно. Там действительно неприятности с домом. Дом стал очень богатым. Деньги вложены огромные, по нашим меркам, конечно. Мне такие и не снились. Евроремонт. Ольга Седакова гадала мне по руке и сказала, что их [денег] у меня не было, нет и не будет. А там человек... Он просто ошалел от денег... Могут и отобрать». Я: «А нельзя назад?» Он: «Нет, Аза Алибековна оказалась неготовой к новому капитализму. Она думала, будет лучше, а получилось что-то невообразимое. Когда я туда ходил, там в коридоре сундуки какие-то стояли, было темно. Это была по тогдашним масштабам большая квартира, но какая-то своя, а сейчас там блеск. Да и нельзя там семинары проводить: только разговоришься, а дом отберут. Не свое...». Я: «Но можно в другом месте». Он: «Да хорошо бы в его. Ведь проводили же в доме Морозова...» Я: «Но если нельзя в его, можно же в другом, главное — память». Он: «Хоружий говорит, что нет сил». Я: «Какие есть». Он: «Хоружий говорит, никто не может так работать. С утра до ночи». Я: «Так Хоружий считает...» Он: «Вы считаете, можно? Дело Лосева любимыми силами не продолжишь». Я: «Тогда и ничье дело не продолжишь». Он: «Тем более, что школы-то в общем нет... Он ведь был имперский человек (улыбнулся), писал для всех, для империи. А сейчас и империя развалилась». Я: «Еще, может, наладится». Он: «Нет, развалилась».

Во второй речь о том, как «меня поразили внешний вид Володи. Он очень худ. Щеки пергаментны. Он пригласил Сашу поговорить один на один. «У меня рак вовсю, — говорит. — Ничего они не сделали. Я катастрофически худею. Но химиотерапию делать не буду. Врачи говорят, что все хорошо, и я им не верю. Видимо, я скоро не смогу приходить на работу». Саша: «У меня в секторе работают (имеет в виду не числятся, а реально работают) два человека... Не приходите. Я прекрасно знаю, что вы делаете». В.: «Не знаю, может быть, подать заявление...» Саша: «Вы будете работать столько, сколько надо».

Друг против друга сидели два мужика. Знающие, мужественные, сильные, понимающие, молчаливые...

Семинары были до 27 октября.

Литература

1. Биbihин В. В. Дневники Льва Толстого. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwjy97JwJbvAhWkk4sKHbu3CXcQFjAAegQIARAD&url=https%3A%2F%2Fwww.rulit.me%2Fbooks%2Fdnevnik-i-iva-tolstogo-read-345731-1.html&usg=AOvVaw0jjKFiTCBkLgGEwEMroNHу> (дата обращения 01.11. 2020).
2. Биbihин В. В. Язык философии. — М.: Наука, 1993. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwiQia3NxZbvAhVrpIsKHfU9AkYQFjAEegQIChAD&url=https%3A%2F%2Fwww.litmir.me%2Fbr%2F%3Fb%3D150781%26p%3D1&usg=AOvVaw3_0ktb-QJPVP02l4eP1pD_ (дата обращения 06.08.2020).
3. Гегель. Наука логики. — М.: Мысль, 1970. — С. 125.
4. Хоружий С. С. Биbihин, Хайдеггер и Палама в проблеме энергий. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwjF2vmDtZbvAhUCx4sKHWyLAZEQFjAAegQIAhAD&url=https%3A%2F%2Fsynergia-isa.ru%2Fwp-content%2Fuploads%2F2015%2F11%2Fhor_bibikh_energ2013.pdf&usg=AOvVaw17uDnBu3dcn4-zY9v46qpw (дата обращения 01.11. 2020).

References

1. Bibikhin V. V. *Dnevnik L'va Tolstogo* [Leo Tolstoy's diaries]. [<https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwjy97JwJbvAhWkk4sKHbu3CXcQFjAAegQIARAD&url=https%3A%2F%2Fwww.rulit.me%2Fbooks%2Fdnevnik-i-iva-tolstogo-read-345731-1.html&usg=AOvVaw0jjKFiTCBkLgGEwEMroNHу>, accessed on 01.11.2020]. (In Russian.)
2. Bibikhin V. V. *Iazik filisifii* [Language of philosophy]. Moscow: Nauka Publ., 1993. [https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwiQia3NxZbvAhVrpIsKHfU9AkYQFjAEegQIChAD&url=https%3A%2F%2Fwww.litmir.me%2Fbr%2F%3Fb%3D150781%26p%3D1&usg=AOvVaw3_0ktb-QJPVP02l4eP1pD_, accessed on 06.08.2020]. (In Russian.)
3. Hegel, *Nauka logiki* [Wissenschaft der Logik]. T. 1. Moscow: Misl' Publ., 1970. P. 125. (In Russian.)
4. Khorujii S. S. *Bibikhin, Heidegger I Palama v probleme energij* [Bibikhin, Heidegger and Palama in the problem of energies]. [https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwjF2vmDtZbvAhUCx4sKHWyLAZEQFjAAegQIAhAD&url=https%3A%2F%2Fsynergia-isa.ru%2Fwp-content%2Fuploads%2F2015%2F11%2Fhor_bibikh_energ2013.pdf&usg=AOvVaw17uDnBu3dcn4-zY9v46qpw, accessed on 01.11.2020]. (In Russian.)

Thought at the beginning: Bibikhin

Neretina S. S.,
DPhi, Institute of Philosophy of Russian Academy of Science,
Chief Scientific Researcher, Professor, Chief-editor of journal "Vox",
abaelardus@mail.com

Abstract: The article is a presentation of a report read at the Second Bibikhin Readings on December 10–12, 2020. The idea of the beginning of thought is the main one. An attempt is made to comprehend the moment when something begins, which is difficult to grasp, because the expressed thought is a thought that has already shown itself. Augustine, speaking of time, compared it with stretching the soul, primarily with the thought of death, for it was time that introduced it into life. I wanted to grasp such a thought in speech, in a gesture of speech through what is said, and through the utterance of what is said, when, in fact, a distortion of thought occurs, which makes an attempt to align itself through endless corrections and clarifications. When pronouncing/writing, there is a transition from time 0 to its beginning. Vladimir Veniaminovich drew attention to this implicitness of thought, since the beginning must occur in the element of free thinking. "Decisive occurs in the first invisible nonspatial movement of the mind". Bibikhin called this the desire for "contact with the rare".

Keywords: thought, beginning, feeling, implicitness, mystery, connection, observer, speech, attitude, concentration.